

Лола
Магнум

ОПАСНОЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

наследство

18+

Лола Магнум

Опасное наследство

«Автор»

2026

Магнум Л.

Опасное наследство / Л. Магнум — «Автор», 2026

Я приехала в тайгу продать папину турбазу и вернуться в город, к повышению и авокадо. Но у базы есть совладелец. Артём Ермаков: brutальный, немногословный и упрямый, как сибирская река. Он против продажи, я против него. Связь ловит только на пне, повар стреляет из ракетницы, а на чужую долю внезапно объявляется наследник с очень плохими друзьями. Когда за базой приходят люди с оружием, выясняется: наша война — не самое опасное. Самое опасное — влюбиться в того, кто однажды уже не удержал.

© Магнум Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	20
Глава 6	23
Глава 7	26
Глава 8	28
Г	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Опасное наследство

Глава

Глава 1

Навигатор сдох на сто сорок третьем километре.

Просто мигнул, выдал жизнерадостное «Поиск спутников» и ушёл в астрал, откуда уже не вернулся. Телефон показывал одну палочку сети и та, подозреваю, была нарисована из вежливости.

— Ну отлично, — сказала я вслух сама себе, потому что больше сказать это было некому. — Приехали.

Вокруг стояли кедров. Много кедров. Неприлично много кедров. Они росли так плотно, будто сговорились не пускать сюда никого с московской пропиской и маникюром, и, честно говоря, у них почти получилось.

Дорога, если это недоразумение вообще заслуживало слова «дорога», представляла собой две глиняные колеи, полные воды, между которыми торчал хребет из камней, как холка у динозавра в брачный период. Мою арендованную «Крету» подбрасывало так, что я уже минут двадцать держала челюсть исключительно из инстинкта самосохранения. И в данном конкретном случае сохранить мне хотелось язык и зубы.

Октябрь. Сибирь. Девять часов перелёта, четыре часа на раздолбанной трассе по типу "направление туда" и вот это.

Папа, конечно, умел выбирать места.

"Пихтовый оберег", турбаза, тридцать два гектара, сорок процентов — твои, Алина Сергеевна, распишитесь вот здесь и здесь. Нотариус в Красноярске произносил это с таким лицом, будто вручал мне ключи от квартиры на Патриках. Я тогда ещё подумала: сорок процентов чего, простите?

Теперь понимала. Сорок процентов грязи, кедров и отсутствия сотовой связи. А уж предвкушаемого, в кавычках, мною предстоящего геморроя, так и на все сто.

Пока я, вибрируя на сиденье, подсчитывала процентные соотношения, колесо провалилось в яму, машина дёрнулась, мотор взвыл, и заглох.

— Нет. Нет-нет-нет, н-н-не-е-е-е сме-е-е-ей! — взвыла я, лупя ногами по педалям агонизирующей машины.

Трыц. Встали. Набекрень малость, но стояли твёрдо.

Я повернула ключ, "Крета" издала звук умирающего пылесоса и замолчала, окончательно обидевшись то ли на жизнь, то ли на меня. Не, ну же я не при чём же, да?

Я вышла, ну как "вышла", высунула ногу из машины, чтобы выйти всей самой, и она тут же по щиколотку ушла в жижу, вместе с белым кедром, который я покупала месяц назад, в сентябре и который прожил прекрасную, но короткую жизнь.

— Серьёзно??? — спросила я у тайги.

Тайга промолчала. Тайге было плевать.

Вытащив сначала ногу, а потом кроссовок, я прошкандыбала вокруг машины. М-да. Заднее правое колесо сидело в колее по самую ось, как будто его туда вкопали с умыслом. В голове мелькнула мысль позвонить в службу эвакуации, но телефон, который я в радости достала из кармана, был неумолим — одна палочка сети, которая то тухла, то гасла.

Никогда не считала себя трусихой, и тут я тоже не успела испугаться, потому что за поворотом, метрах в ста, заревел мотор.

Из-за деревьев выползал, подпрыгивая на ухабах, УАЗ. Не тот милый ретро-уазик с инстаграмных фото, а зверюга цвета болотной жабы, вся в брызгах грязи, с багажником на крыше, лебёдкой на морде и мордой, которая явно видела в этой жизни больше, чем я.

Он допрыгал, переваливаясь с боку на бок, до меня и остановился метрах в пяти. Двигатель заглох, дверь открылась и первое, что я подумала: «Ну всё, тут меня и закопают». Второе: «Хотя бы красиво, в одном кеде».

Мужик был высокий. Не «высокий» в смысле «на полголовы выше меня», а высокий в том смысле, что «мне придётся задира́ть подбородок, и это раздражает». Как ты туда поместился, родной?

Красная куртка, расстёгнутая, под ней чёрный бадлон. Да ты модник, ёпта. Небритый, лет тридцать, может, чуть больше. Движения спокойные, экономные, такие бывают у людей, которые не тратят свою энергию зря, потому что знают, где она может пригодиться.

Да, я, вообще-то, умная, несмотря на то, что молодая.

Он подошёл, остановился, посмотрел на машину, потом на меня, потом снова на машину, но уже чуть подольше, с куда большим интересом.

— Это что? — спросил, засунув руки в карманы куртки.

— Это автомобиль, — любезно сообщила я. — Четыре колеса, руль. У вас такой же, только страшнее и дешевле.

Он поднял на меня глаза. Карие, но почему-то холодные.

Два момента:

1. Как тёплый цвет может быть холодным и

2. Почему никакой реакции на шутку? Вообще нулевая, будто я говорила в стену.

— Кроссовер... передний привод... резина летняя... — он перечислял это, как диагноз смертельной болезни. — Вы по какой дороге сюда ехали?

— По этой, — кивнула я головой в ту сторону, откуда двигалась и даже, для достоверности, ткнула пальцем.

Он проследил за моим пальцем и перекатился с носка на пятку и обратно.

— Эта — не дорога. Эта — лесовозная волока. Дорога была двенадцать километров назад, направо.

— Там не было никакого «направо».

— Было.

— Там был шлагбаум, — я ткнула пальцем в сторону, откуда приехала. — Поперёк. Один. И знак «проезд закрыт». И всё. Ни поворота, ни указателя, ни единой живой души на сорок километров.

Он чуть повернул голову. Я почти услышала, как у него в голове что-то щёлкнуло.

— И вы что сделали?

— А что я должна была сделать? — я сложила руки на груди. — Развернуться и поехать четыре часа обратно в Красноярск? Ночевать в машине? Я подняла шлагбаум. Он, между прочим, лёгкий. Если бы кто-то не хотел, чтобы его поднимали, повесил бы замок.

Он очень медленно провёл ладонью по лицу, сверху вниз. На секунду мне показалось, что он беззвучно считает до десяти. Или вспоминает фамилии всех, кто довёл его до такой жизни.

— Там был указатель, — сказал он наконец. — Синий. На столбе. "База "Пихтовый оберег", четырнадцать км".

— Не было.

— Я его ставил. В мае.

— Поздравляю. В октябре его нет.

Он замолчал, и это молчание мне не понравилось, и не потому, что он злился, а потому, что он перестал злиться. Взгляд ушёл мимо меня, в деревья, и стал каким-то... рабочим. Будто человек на секунду вышел из разговора и занялся чем-то другим.

А я стояла и усиленно вспоминала, был ли там какой-то указатель. Ну... ну не то, чтобы указатель...

— А, этот, — я махнула рукой. — Видела. Там мёд.

Он повернул голову. Медленно, как башня танка в спячке.

Глава 2

— Что там?

— Мёд, — повторила я терпеливо. — Жёлтая фанерка, от руки написано: «МЁД. КОПЧЁНАЯ РЫБА. 200 м». Я что, по-вашему, должна была свернуть к пасечнику? Я не к нему за мёдом ехала. Я ехала на базу отдыха.

— А под фанеркой вы посмотреть не пробовали?

— Зачем мне смотреть под фанеркой?

— Затем, что под ней указатель. Синий. "База "Пихтовый оберег", четырнадцать км."

— В общем, — пошла я напролом, — мне мёд не нужен, мне нужна база, поэтому я развернулась и поехала искать дорогу.

— И нашли ту, где был шлагбаум?

— Ну да, — терпеливо объясняла я этому медведю очевидные вещи. — Раз шлагбаум — значит, дорога!

— Это шлагбаум лесхозовский. Дальше делянка, там валят с сентября, — он наконец посмотрел прямо на меня, и лучше бы не смотрел. — Если бы вам навстречу вышел лесовоз, мы бы с вами сейчас не беседовали. Тут не разъезжаются.

— Он был без замка! — возмутилась я. — Что я должна была подумать?

— Что нельзя ехать?

— В Москве, знаете ли, если что-то нельзя, там стоит человек и три камеры.

— В Москве, — согласился он, кивнув, — лесовозов меньше. И леса нет.

Мне надоело это пустое препирательство, тем более, что я была права, и я спросила:

— Мы будем как-то выходить из этой ситуации?

— Из какой? — вполне так натурально удивился этот медведь.

— Ну вот... — развела я руками, показывая на свой застрявший автомобиль и босую ногу, которая уже ничем, по количеству грязи, не отличалась от не босой.

— А я в неё не входил.

Я ажно задохнулась от возмущения!

— Вы не джентльмен! — выдала я единственному живому человеку в этой глуши, который, хотя бы в теории, мог бы мне помочь.

— Нет, — покачал он головой. — Но спасибо, что напомнили.

Его взгляд прошёлся по мне сверху донизу: по белому пуховику, который час назад был белым, по джинсам, по утопленнику-кеду, по чемодану на колёсиках, который торчал на заднем сиденье и выглядел здесь, как балерина в мясном цеху.

— Понятно, — сказал он.

— Что вам понятно?

— Всё.

— Знаете, обычно, когда мужчина говорит женщине «всё понятно», ему потом становится очень непонятно.

Он развернулся и пошёл прочь, но испугаться я снова не успела. Он открыл заднюю дверь своего УАЗа, вытащил трос, разматал его, прицепил к моей машине, не спрашивая разрешения. Руки у него были рабочие — большие, с содранными костяшками на правой.

Затем развернул свою жабу типа УАЗ, прицепил трос к себе и скомандовал:

— Садитесь за руль. Нейтраль. Руль прямо. Когда потяну — не газуйте.

— А если я хочу газовать? — приосанилась я, понимая, что меня не бросят.

Может, конечно, он и не джентльмен, но что-то мужское в нём однозначно присутствует, раз он не бросил девушку в беде.

— Тогда я вам больше не помогаю, — моментально проснулся в нём не джентльмен, — и вы идёте восемь километров пешком. По темноте. С чемоданом.

Я подумала секунду, и потом села за руль.

УАЗ взревел, трос натянулся, «Крету» выдернуло из ямы с чавкающим звуком, и я, кажется, впервые за сутки выдохнула.

Он вышел из машины, подошёл-отцепил трос-свернул-унёс-убрал. Всё это — молча, быстро, с раздражающей аккуратностью человека, который каждое движение делал тысячу раз.

— Спасибо, — сказала я, не выходя из машины, а просто открыв окно.

— Разворачивайтесь. Езжайте обратно двенадцать километров, потом налево, через час будете в Шалинском, там гостиница.

— Вы меня не поняли. Мне не в Шалинское, мне в "Пихтовый оберег".

— Даже так? — впервые в его лице промелькнуло хоть что-то похожее на эмоцию, правда, почему-то, не радостную. Тогда тем более разворачивайтесь.

И вот тут во мне что-то щёлкнуло, с таким звоном, что у меня на секундочку в глазах заискрило.

Я устала. Я летела девять часов. Я хоронила отца два месяца назад — человека, которого видела в последний раз, когда мне было одиннадцать, и которого всё равно почему-то хоронила так, будто у нас что-то было. Я потратила все отпускные на этот билет. И вот стою по щиколотку в глине, а мне какой-то таёжный Аполлон в грязных ботинках объясняет, в какую сторону разворачиваться.

— А вы вообще кто? — спросила я очень вежливо.

— Ермаков. Артём. Управляющий базой «Пихтовый оберег».

— О. Прекрасно, — я максимально радостно улыбнулась. — Тогда вы работаете на меня. Это было, пожалуй, самое глупое, что я могла сказать, но Господи, как же мне это было нужно!

Он не вспыхнул, не рявкнул, он вообще никак не отреагировал. Он просто до-о-олго, до-о-о-олго посмотрел на меня, так внимательно, будто я была не человеком, а погодным явлением, которое надо переждать.

— На вас, — повторил он, едва заметно кивнув.

— Да, — задрала я подбородок. — Сорок процентов, доля моего отца. Я наследница. Документы в сумке, хотите — покажу.

— Не хочу.

— Почему?

— Потому что бумага и база — разные вещи, — он кивнул куда-то в сторону деревьев. — У вас на бумаге написано просто: «Тридцать два гектара». А тут — тридцать два гектара тайги, в которой в прошлом году двое заблудились, и одного мы нашли на четвёртые сутки. У вас написано: «Жилые объекты». А тут — восемь домиков, генератор восемьдесят седьмого года и дизель, который жрёт сто литров в неделю. У вас написано: «доля», а тут люди живут, четырнадцать человек персонала, круглый год.

— И вы считаете, что я этого не пойму.

— Я считаю, что у вас летняя резина, и синий указатель, которого не было.

Знаете, бывают фразы, после которых хочется сделать что-то непоправимое. Например, толкнуть человека в лужу. Я даже прикинула траекторию, но он был килограммов на сорок тяжелее, и, подозреваю, в луже в итоге оказалась бы я.

— Прекрасно, — сказала я вместо этого. — Тогда поехали. Покажете мне мой генератор восемьдесят седьмого года.

— Вы не доедете. Там брод.

— Значит, вы меня отбуксируете.

— Не буду.

— Будете, — я в порыве жуткой обиды топнула босой ногой, попала по кочке и охнула.

— Нет.

— Тогда я поеду сама. И застряну в бродё. И вам всё равно придётся меня вытаскивать, только уже ночью и из воды, — я развела руками. — Выбирайте, Артём. Я тут вообще-то предлагаю вам сэкономить время.

Он молчал секунд пять, а потом — я могу поклясться — у него на долю секунды дёрнулся угол рта. Не улыбка, а так, что-то нечто с намёком на тень возможности улыбки. Но я заметила, и мне стало неприлично приятно.

— Чемодан, — сказал он.

— Что?

— Чемодан в УАЗ. Машину бросьте здесь, завтра трактором вытащим, — он уже шёл к своей жабе. — И кеды снимите, у меня салон чистый.

— Он у вас в грязи по самые ручки!

— Снаружи. Внутри чистый.

— Но чемодан!

— Сама, — отрезал он, открывая дверцу своего драндулета и усаживаясь в него.

Глава 3

... Спустя двадцать минут и три килограмма возмущений шёпотом, я сидела в УАЗике, в одном носке на одной ноге, без носка на второй ноге, обнимая чемодан, и смотрела, как за окном проплывают кедры.

А, ну да, и старалась не глотать слёзы слишком уж громко.

Машину трясло так, что я прикусила язык дважды. В салоне пахло бензином, кофе и чем-то хвойным. Радио молчало. Он не включал музыку и не задавал вопросов — просто вёл, иногда переключая какие-то рычаги, которых в нормальных машинах вообще не бывает.

— Долго ещё? — не выдержала я, клацнув зубами на очередном ухабе.

— Сорок минут.

— А связь там есть?

— На вышке у столовой. Если встать на ящик.

— Вы шутите.

— Нет.

Я снова уставилась в окно. За деревьями мелькнула лента воды — широкая, свинцовая, с белыми барашками на перекате. Река. Большая. Красивая до оторопи.

— Это что?

— Караульная.

— Река?

— Река.

— Красиво.

— Четверо утонувших за десять лет, — сказал он ровно. — Не ходите туда одна.

Я хотела ответить что-нибудь дерзкое, но почему-то не стала.

Минут через тридцать кедры расступились, и я поняла, что сайт врал.

У «Пихтового берега» был сайт, я тщательно изучила его в самолёте: восемь слайдов, домики в закатном свете, девушка в пледе с кружкой, надпись «уединение и комфорт». Я даже сохранила фото в заметки.

Девушки в пледе не было.

Был дым из трубы, была гора досок под навесом, были шесть перевёрнутых лодок и мужик, который возился с мотором, разложив детали прямо на земле. Пахло соляжкой, рыбой и почему-то свежим хлебом. Где-то за домами визжала болгарка.

Вот что тут было, так это уединения — его было по самые гланды.

Это была не турбаза. Это был колхоз. Дикий и нецивилизованный.

— Я думала, тут отдыхают, — поражённо еле выдавила я из себя.

— Тут отдыхают с мая по сентябрь, — ответил Артём, глуша двигатель. — Сейчас октябрь. Сейчас тут готовятся к тому, чтобы в мае было где отдохнуть, и идёт глобальная перестройка, чтобы было где отдохнуть и с сентября по май.

Из-за угла столовой вылетела собака размером с телёнка и понеслась к машине, лая так, будто ей за это доплачивают биткоинами.

Я даже забыла, как визжать, глядя на всех парах приближающегося лохматого монстра. Помню только, что начала приседать и как-то странно заваливаться на бок.

— Это Пуля. Она не кусается, — услышала я мужской голос над своим ухом и меня вздёргнули наверх, крепко держа за локоть.

— А что она делает? — спросила я, пытаюсь унять дрожащие колени и поймать равновесие.

— Знакомится.

Знакомство заключалось в том, что Пуля сунула морду мне в колени и всем весом прижала к двери машины. Я стояла в двух резиновых сапогах сорок третьего размера, которые Ермаков выдал мне в машине, держалась за чемодан и чувствовала, как в сапог медленно затекает собачий энтузиазм.

Болгарка смолкла.

Я проморгалась, подняла голову и обнаружила, что на меня смотрят. Мужик у лодок, две женщины на крыльце столовой и молодой совсем парень с болгаркой — тот поднял щиток и просто завис.

— Чего они?

— А ты видела себя?

Я посмотрела вниз. Белый пуховик цвета «глина», джинсы по колено в той же гамме, сапоги-лыжи, в руке — чемодан на колёсиках с ручкой-телескопом.

— Логично.

Женщина в фартуке спустилась с крыльца, вытирая руки.

— Тёма. Это кто?

— Это Алина, — сказал Артём. — Дочь Сергеича.

Женщина замерла, полотенце перестало двигаться, а глаза наоборот — двигались, увеличиваясь в размерах.

— Какая дочь?

— Та самая.

— Погоди, — она перевела взгляд на меня, потом снова на него. — Ты знал, что она едет?

— Знал.

— И молчал?

— Я надеялся, что она не приедет.

— Тёма! — всплеснула она руками. — Господи, да у нас же ничего не готово! У нас постель не стирана! У нас в гостевом крыло не топлено с сентября!

— Я не привередливая, — быстро сказала я, стараясь успокоить сердобольную женщину.

Она посмотрела на меня так, как смотрят на человека, который сообщил, что ему «не холодно», стоя в декабре в шортах.

— Деточка, ты вообще знаешь, что такое «не топлено с сентября»?

— Это... прохладно?

— Это минус четыре внутри и иней на подушке.

— Отлично, — сказала я бодро. — Значит, будет как в скандинавском спа.

Кто-то за моей спиной хрюкнул, и парень с болгаркой поспешно опустил щиток.

Женщина поджала губы, развернулась к Артёму и произнесла с убийственной нежностью:

— Тём. Ты её по дороге хоть покормил?

— Нет. Я не ехал её встречать. Я нашёл её на волоке, случайно.

— Ну ты и чурбан, — выдала она ему и сразу обратилась ко мне: — Меня зовут Валентина Павловна, можно просто тётя Валя. Сейчас Тёма тебя поселит, и ты приходи ко мне, в столовую, вон она, — она махнула рукой в направлении одноэтажного длинного здания, — я тебя покормлю с дороги.

Гневно зыркнув на Ермакова и покачав головой, она ушла в столовую, громко сообщив кому-то, что некоторым бог вместо головы выдал бревно, и бревно, между прочим, тоже требует ухода.

Ермаков усмехнулся, взял мой чемодан в одну руку, как пакет с хлебом, и пошёл к большому дому. Я потащила следом, увязая сапогами и стараясь их не потерять по дороге.

— Куда мы?

— В контору. Заодно согреешься.

Дом был старый, бревенчатый, с просевшим крыльцом. Вторая ступенька скрипнула как живая. Дверь открылась без ключа, и это почему-то поразило меня сильнее всего остального.

— Вы не запираете?

— А от кого?

Внутри пахло печкой. Длинный стол, лавки, чугунная плита, на стене — графики, какие-то накладные на гвозде, календарь за позапрошлый год.

И фотографии.

Не в рамках, а просто пришпиленные кнопками, внахлёст, слоями, лет за двадцать. Лодки, рыба, снег, люди. Я подошла, просто чтобы не стоять посреди чужого дома столбом.

Отец был везде. Молодой, худой, в нелепой кепке. Постарше, бородатый, с топором. Рядом с Артёмом, который на фото выглядел моложе и, кажется, умел улыбаться.

А чуть левее, у самого края, висело фото, где этот самый бородатый мужик держал на вытянутых руках младенца в розовом чепчике.

Я смотрела на него секунд пять.

— Это я, — сказала я.

— Угу.

— Он восемнадцать лет не приезжал.

— Угу.

— А фотку повесил.

— Он много чего вешал, — сказал Артём ровно. — Вешать проще, чем ехать.

Я подумала, что за эту фразу его можно либо ударить, либо поблагодарить. И почему-то выбрала второе — молча, внутри, никому не сообщая.

Он открыл печную дверцу, закинул два полена, чиркнул спичкой.

— Ладно, — я откашлялась и включила деловой тон, который прекрасно работал на планёрках и, как выяснилось, абсолютно не работал в тайге. — Давай к делу. Сорок процентов мои, я их не продаю. Где я живу, что я подписываю и когда мне покажут этот ваш легендарный генератор восемьдесят седьмого года?

— Генератор покажу завтра, подписывать пока нечего, — он закрыл дверцу. — А живёшь ты здесь.

— В конторе?

— В большом доме.

— Так, — сказала я. — Отлично. Большой дом — это хорошо. Большой дом — это звучит. Сколько комнат?

— Три.

— Прекрасно.

— Одна моя, — сказал Артём, вытирая руки о тряпку. — Вторая завалена снастями по потолок. В третьей жил твой отец, и там с июля никто не заходил.

Я медленно повернулась.

— Подожди. Ты сейчас сказал, что мы с тобой будем жить в одном доме?

— Я сказал, что в гостевом ты за ночь околеешь, а топить его сутки минимум, — он повесил тряпку на гвоздь. — Через сутки переедешь. Если захочешь.

— А если не захочу через сутки, а захочу прямо сейчас?

— Тогда к Вальке. У Вальки муж, трое детей и кот, который спит на лице.

Я открыла рот, чтобы сказать что-нибудь уничтожающее, и в этот момент снаружи, со стороны реки, что-то бабахнуло.

Какой-то протяжный железный грохот, визг, и следом донёсся чей-то длинный, вдохновенный и витиеватый мат.

Артём уже был у двери.

— Что это? — крикнула я.

— Это, — сказал он, не оборачиваясь, — твои сорок процентов.

Глава 4

Бежать или не бежать следом, где мои сорок процентов бабахают, визжат и громяхают вообще вот не стояло! Но бежать в сапогах сорок третьего размера, это как бежать в двух вёдрах. Каждый шаг сапог делает отдельно от тебя, а потом догоняет, да ещё и под коленки подпинавает, чтобы, значит, стопудово упала!

Но не на ту напали, сапоги! Как могла, бежала, но когда я только обогнула столовую, Ермаков был уже у реки. Высокий, красный, быстрый, как пожарная машина, только без сирены. Сирену заменял тот самый мат, который не прекращался ни на секунду и, кажется, даже не повторялся.

На берегу виднелась какая-то бетонная горка, уходящая прямо в воду. По ней шли рельсы, на рельсах стояла железная тележка, а на тележке висел катер. Белый, тяжёлый, с синей полосой. Висел он неправильно: задом в реке, носом в небо, и медленно, со скрежетом, продолжал сползать.

Под носом катера, вцепившись в тележку, стоял какой-то мужик и уже пунцово-бордовый лицом, держал этот катер. Руками. Лицо у него от натуги уже пошло синими пятнами, и материл он, судя по интонации, лично реку.

— Коля, бросай! — рявкнул Ермаков.

— Ага, шас! Уплывёт!

— Бросай, сказал! Иначе ты уплывёшь, прямиком в операционный блок!

— Только с ним! — взревел Коля, упираясь ещё сильнее в тележку.

Парень с болгаркой и ещё двое мужиков, взявшихся непонятно откуда, уже облепили тележку. Артём упёрся плечом в борт, и вся эта конструкция из людей, железа и нецензурной лексики замерла, тяжело *отдыхаясь*.

А я поняла, что настал мой звёздный час.

— Так! — я вскинула руку, как на планёрке, дошкандыбав наконец вместе с сапогами к месту чэпэ. — Никто ничего не трогает! Надо вызвать МЧС!

Похоже, я брякнула какую-то несусветную глупость, потому что помимо мужиков, замерла, на мгновение, кажется, даже река.

— Девушка, — прокряхтел красный Коля, не отпуская катер, — МЧС — это мы. Ближайшие другие — в Шалинском. Через два часа будут, если дорогу найдут.

Парень с болгаркой хрюкнул второй раз за день, и у меня появилось стойкое ощущение, что я ему этот вечер скрашиваю.

— Тогда... — я лихорадочно искала, чем ещё поруководить. — Тогда надо его закрепить!

— Спасибо, — прорычал Артём, — без тебя бы мы не сообразили. — Витёк, тащи цепь. Коля, на счёт три отходишь. Раз, два...

Дальше всё происходило без меня. Цепь, крюк, какое-то бревно под колесо, и катер встал, как вкопанный. Коля отошёл, сел прямо на мокрый бетон и закурил с таким лицом, будто только что родил.

Я, понимая, что руководство спасательной операций утекает из моих рук, резво сделала шаг вперёд, чтобы сказать что-нибудь ободряющее и умно-направляющее, и сапог остался на месте. Сапог решил, что дальше не пойдёт, и врос в прибрежную глину. Я вытащила ногу и по инерции сделала ещё шаг в одном носке, прямо на мокрый бетон, покрытый тиной.

Бетон оказался скользким, как совесть депутата.

Ноги поехали вперёд, я поехала назад, мир поехал вбок. Я успела подумать, что Караяльная холодная, а потом что-то рвануло меня за шиворот, и я повисла. Капюшон пуховика врезался под подбородок, ноги болтались, а сама я покачивалась, как котёнок в пасти у кошки.

Артём держал меня за капюшон одной рукой, и даже без видимых усилий.

— У тебя традиция? — спросил он, разворачивая меня по воздуху к себе лицом.

— Какая? — прохрипела я, прокручиваясь, как игрушка на ёлке.

— Терять обувь в первые десять минут после того, как ты её надела.

Он сделал пару шагов в сторону и поставил меня на ноги, на относительно сухое, и отпустил не сразу. Секунду, может, две ладонь другой руки лежала у меня между лопаток, тяжёлая и тёплая даже сквозь пуховик. Потом исчезла. Сначала с лопаток, потом с капюшона, и я смогла вздохнуть полной грудью.

Одновременно с полным глотком воздуха и свободы, я вдохнула некоторое раздражение и даже обиду.

И меня вот это вот прям взбесило всю! Не то, что я чуть не упала, и не то, что на меня смотрела вся база, и даже не то, что меня, как паршивого котёнка, за шкурку подняли и pokrутили, не-е-е-ет!

Меня взбесило то, что мне понравилось, как он меня держит. Уверенно и легко, как будто я ничего не вешу и как будто так и надо!

— Спасибо, — сказала я тоном, которым обычно говорят «чтоб ты сдох».

— Пожалуйста, — сказал он тоном, которым отвечают... которым вообще не отвечают.

Он вернулся к моему одиноко и позорно торчащему из забетонированной глины сапогу, нагнулся, выдернул его из глины сунул мне в руки, вернувшись ко мне. Потом подошёл к лебёдке, поднял обрывок троса и долго его рассматривал. Трос был рыжий, лохматый, как старая мочалка, лопнувшие жилы торчали во все стороны.

В смысле, и всё?! Я тут так и буду стоять??

— Сгнил, — сказал Коля, выпуская дым. — Я ж говорил.

— Говорил.

— Ещё весной говорил.

— Коля.

— Молчу.

— А почему не поменяли? — спросила я.

Артём бросил обрывок в железный ящик.

— Потому что новый трос стоит денег.

— Сколько?

— Сорок тысяч. С работой.

— Это же не такие большие деньги...

Он посмотрел на меня, и я сразу поняла, что сказала что-то очень московское.

— Это зарплата Коли. За месяц, — сказал Артём. — Выбирай: трос или Коля.

— Я, если чё, против, — подал голос Коля.

Я стояла, переминаясь с ноги на ногу, точнее, с носка на сапог, и чувствовала себя полной идиоткой. Артём бросил на меня короткий нечитаемый взгляд и вздохнул так, будто решал, что с этим делать.

— Так, — сказал он. — Ты, — ткнул он в мою сторону указательным пальцем и разве что только не поморщился — в столовую, Валентина как раз ужин раздаёт. И сапог свой не забудь.

Я хотела было возразить, что не голодна и вообще могу помочь, но он уже отвернулся к лебёдке, давая понять, что разговор окончен. Коля одарил меня сочувственным взглядом, а парень с болгаркой хрюкнул в третий раз. Кажется, я всё-таки скрасила ему вечер.

Я сунула грязную ногу в сапог — ему всё равно хуже уже не будет, и доковыляла до столовой. Когда я туда добралась по этой порнографии, что творилась у меня под ногами, чувствовала себя так, будто в финтесс-зале три часа отпахала!

Мой желудок сводило от голода, а внутри пахло так, что у меня закружилась голова — домом, хлебом, чем-то сытным и горячим. Тётя Валя всплеснула руками, увидев моё состоя-

ние: сапоги зашли впереди меня, волосы дыбом, куртка... куртка уже скорее напоминала, отдалённо то, что было когда-то белой курткой, и чумакая, как шахтёр в забое.

— Ох, бедная! — запричитала она. — Это ж надо так! Давай сюда, всё снимай, я почищу. И за стол, немедленно!

Она усадила меня, стянула с меня оба сапога и куда-то унесла, через минуту вернулась с тапками и поставила передо мной тарелку борща.

Тётя Валя кормила меня так, будто я вернулась с войны. Борщ, тёмно-бордовый, с горой сметаны. Пирожки с капустой, пирожки с картошкой, пирожки с чем-то, что она назвала «черемша», а я назвала «вкусно, а что это». Чай из самовара. Самовар, кстати, был настоящий, медный, и шумел, как маленький паровоз.

В столовой было тепло, пахло хлебом. Впервые за сутки у меня перестали дрожать колени, и я не сразу поняла, что сижу в одном носке, а второй сохнет на батарее.

— Ты ешь, ешь, — тётя Валя подвинула ко мне ещё тарелку. — Ты кем работаешь-то, деточка?

— Маркетологом.

— Это которые звонят и кредиты предлагают?

— Нет. Это которые делают так, чтобы людям хотелось что-то купить.

Тётя Валя подумала и сказала:

— А. Как цыгане.

Я поперхнулась пирожком от такого неожиданного сравнения, а она смеялась, вытирала руки полотенцем и рассказывала про каких-то Колиных рыбаков, про медведя, который в августе ходил к мусорке, как на работу. А потом вдруг села напротив, сложила руки на столе и сказала совсем другим голосом:

— А он про тебя всё время говорил.

Пирожок застрял где-то на полпути.

— Кто?

— Сергеич. Алинка то, Алинка сё. Что в школе медаль, что в институт поступила, что в Москве работаешь, в большой фирме. Он всё про тебя знал, деточка. Всё.

— Знал, — повторила я. — Удобно. Знать можно и издалека.

— Алин...

— Нет, правда, тётя Валя, очень удобно. Знать про медаль и не приехать на выпускной. Знать про институт и не позвонить. Говорить проще, чем ехать.

Это была фраза Артёма, и я её украла, не моргнув. Тётя Валя посмотрела на меня долго и грустно, как смотрят на ребёнка, который разбил коленку, но реветь не хочет из гордости.

— Ладно, — сказала она. — Ешь. Потом поговорим.

— Не о чем говорить.

— Ну, значит, просто ешь.

Я ела. Не потому, что хотелось, хотя, и хотелось тоже. А потому, что, если перестать жевать, придётся что-то чувствовать.

Наевшись до отвала, я сняла с батареи носок, уже ставшие мне ненавистными резиновые сапоги, морщась, *набулав* всё это на ноги и поволокла их на выход из столовой.

Артём ждал меня на крыльце большого дома. Сидел на ступеньке, курил и смотрел на реку. Увидел меня, затушил сигарету о подошву и встал.

— Наелась?

— На неделю вперёд.

— Это у Вальки называется «перекусить». Пошли со мной.

Я понуро, мечтая только о том, чтобы снять с себя вот это вот всё, умыться, принять горячий душ и упасть в тёплую постельку, плелась за ним, на ходу разлепляя чугунные веки.

Многовато событий для меня сегодня, многовато.

Мы зашли с дом, и он провёл меня по тёмному коридору мимо своей двери, мимо двери, за которой угадывались очертания снастей, и толкнул третью.

Комната была маленькая. Кровать, стол, шкаф, полка с книгами. В углу стояла белёная, с чугунной дверцей печка-голландка и от неё шло тепло, настоящее, густое, пахнущее берёзой. В комнате было... тепло... Он протопил. Пока я ела пирожки и наворачивала борщ, он протопил отцовскую комнату.

На спинке стула висела фланелевая рубашка в клетку. Отцовая. Я не стала к ней подходить.

— Значит, так, — сказал Артём деловым тоном человека, который проводит инструктаж по технике безопасности. — Туалет во дворе налево, фонарь у двери. Генератор в полночь вырубается.

— Как вырубается?

— Совсем. Экономия. Свечи в тумбочке, спички там же. Печь я протопил, до утра продержится.

— Ладно.

— И заслонку не трогай.

— Какую заслонку?

Он показал на железную пластину с ручкой, торчащую из трубы над печкой.

— Вот эту. Закрою сам, когда прогорит. Не трогай.

— А что будет, если тронуть?

Он посмотрел на меня так, как смотрят на ребёнка, который спрашивает, что будет, если сунуть вилку в розетку.

— Утром я буду объяснять участковому, почему наследница угорела в первую же ночь, — сказал он. — А участковый у нас не любит писать. Он расстроится.

Дверь закрылась, тяжёлые шаги ушли по коридору и вскоре где-то хлопнула вторая дверь. Я осталась одна: отцовская кровать, отцовская рубашка на стуле, тикающие часы.

И заслонка.

Заслонка смотрела на меня, а я на неё.

Знаете, в чём моя главная проблема? Мне с детства нельзя говорить «не трогай».

Глава 5

Спать я не могла.

Сначала из-за рубашки. Она висела на стуле, клетчатая, с протёртыми локтями, и пахла. Не сильно, едва-едва: табаком, хвоей и ещё чем-то, чего я не помнила головой, но, оказывается, помнила носом. Мне было одиннадцать, папа поднял меня на руки в аэропорту, и был вот этот запах. Я встала, сняла рубашку со стула и засунула её в шкаф. Закрыла дверцу. Подумала. Открыла, повесила на плечики, чтобы не мялась. Закрыла снова.

Потом из-за тишины. В Москве тишины не бывает: за окном всегда что-то едет, гудит, ругается. А тут было так тихо, что я слышала, как в печке оседают угли. И как стучит моё собственное сердце, и что ему, судя по стуку, не очень-то нравится происходящее.

А ровно в полночь погас свет.

Не моргнул, не померк, а просто взял и исчез, как будто кто-то накрыл мир ладонью. Ночник, зарядка телефона, полоска света под дверью, всё разом. Где-то за домами затих глухой рокот, которого я до этого даже не замечала.

— Ладно, — сказала я в темноту. — Это нормально, он же предупреждал.

Свечи нашлись в тумбочке, спички тоже. С пятой попытки свеча загорелась, и комната сразу стала меньше и страшнее. По стенам заплясали тени, шкаф с рубашкой внутри стал похож на гроб, а я решила об этом не думать.

Через час стало холодно.

Не «прохладно», как я уверяла тётю Валю, а по-честному холодно. Печка ещё грела, но как-то нехотя, будто из одолжения. Дерево в стенах потрескивало, от окна тянуло так, что пламя свечи клонилось вбок. Я натянула всё, что было в чемодане: две футболки, худи, вторые джинсы поверх пижамы. Не помогло.

Тогда я вышла в коридор, почти на ощупь, со свечой, которая едва освещало пространство и грозила при каждом моём шаге потухнуть. На крючке у соседней двери висел свитер, огромный, серый, грубой вязки, явно не папин.

Я точно знала, чей он. И надела его, разумеется, без колебаний. Он доставал мне до середины бедра, рукава пришлось закатать трижды, и пах он печкой и чем-то таким, о чём я тоже решила не думать.

Я захватила несколько поленьев и вернулась к печке. Открыла дверцу и заглянула туда. Там, лениво, оранжево и полусонно дотлевали угли.

План был простой и гениальный. Подкинуть дров, это раз. Дрова уже лежали тут же, в железном ведре, куда я их аккуратно положила, чтобы не гроыхать. И закрыть заслонку, это два, чтобы тепло не улетало в трубу. Я, между прочим, читала об этом. В интернете, в статье «10 лайфхаков для загородного дома». Лайфхак номер семь.

А «не трогай»... Ну, он перестраховщик, это видно сразу. Человек, который говорит «Пуля не кусается» таким тоном, будто в этом не уверен, явно перестраховывается во всём.

Три полена улетели, дверца, заслонка до упора. Щёлк.

— Вот, — сказала я с достоинством. — Учись, тайга.

Минут пять ничего не происходило. Я сидела на кровати, завернувшись в одеяло поверх свитера, ждала, пока потеплеет и чувствовала себя победительницей.

Потом запахло.

Потом в свете свечи поплыло что-то сизое, ленивое, от печки к потолку. Потом оно перестало быть ленивым и повалило из всех щелей дверцы сразу, густое, едкое, как будто печка решила выдохнуть мне в лицо всё, что о мне думает.

Я закашлялась, вскочила, шибанув коленом прикроватную тумбочку, свалила с ней свечку, которая с тихим стуком упала на пол и погасла.

Темнота снова стала абсолютной, только в добавку к этому появились дым, который резал глаза даже в темноте и кашель, который начинал рвать горло. Я рванула к двери, врезалась во что-то, взвыла и отлетела то ли назад, то ли вбок. Удержалась чудом на ногах, повернулась и рванула в другую сторону, тут же налетела на стул, перелетела через него и врезалась головой, кажется, в свою же кровать.

Зажмурив крепко глаза и задержав дыхание, я вспомнила расположение кровати относительно двери и, молясь всем богам, как можно быстрее поползла к выходу, держа в голове план своего пути.

Зажмурив крепко глаза и задержав дыхание, я вспомнила расположение кровати относительно двери и, молясь всем богам, как можно быстрее поползла к выходу, держа в голове план своего пути.

План был хороший. План был продуманный. План учитывал кровать, тумбочку, стул и тот факт, что дверь — вот она, прямо, стоит только проползти эти несчастные три метра.

План развалился на первом же метре.

Сначала я вписалась лбом в ножку стула — того самого, на котором ещё недавно висела рубашка, и который я, оказывается, оттащила от стола, когда металась. Стул обиделся и завалился набок, гулко стукнув спинкой об пол, и звук этот в дымной темноте прозвучал так, будто кто-то уронил шкаф.

Я зашипела, потёрла лоб и поползла дальше, уже не так уверенно.

Дальше под руку попался сапог. Тот самый, второй, который я честно поставила сушиться у печки и про который благополучно забыла. Сапог лежал поперёк дороги с видом человека, который давно ждал именно этого момента. Я отшвырнула его в сторону, и он улетел куда-то в темноту, где с глухим стуком приземлился, судя по звуку, в ведро с дровами.

— Отлично, — просипела я, лёжа на полу и чувствуя, как дым елзит по спине под свитером. — Просто отлично.

Я поползла дальше. Кашель рвал горло уже не по-хорошему, а так, будто внутри кто-то дёргал за верёвочку, и с каждым рывком из глаз летели слёзы то ли от дыма, то ли от жалости к себе. Я успела пожалеть о трёх вещах сразу: о том, что не послушала Ермакова, о том, что вообще приехала в эту тайгу, и о том, что в детстве не ходила на плавание, потому что сейчас мне отчаянно не хватало умения задерживать дыхание дольше десяти секунд.

Где-то справа от меня что-то треснуло. Я вздрогнула, повернула голову и в свете тлеющих углей, которые всё ещё пробивались сквозь дым, увидела, как заслонка на печке медленно, с металлическим скрежетом, приподнимается сама. Видимо, от температуры. Видимо, печка решила, что издевательства надо продолжить.

— Да чтоб тебя, — сказала я печке.

Печка не ответила. Печка только выдохнула ещё одну порцию дыма, густого и чёрного, как грех.

Я поползла быстрее. Локти скользили по половицам, колени упирались в какие-то углы и щели, джинсы, натянутые поверх пижамы, собирались складками и мешали. Я чувствовала себя не человеком, а какой-то гусеницей — большой, неуклюжей, в трёх слоях одежды и с одной извилиной, которая упорно твердила: «Вправо, вправо, там дверь».

Дверь была не вправо. Дверь была прямо. Я поняла это, когда с размаху вписалась головой в стену.

Стена оказалась честной, крепкой, сложенной из брёвен, и абсолютно не той, к которой я стремилась. Я отпрянула, села на пятки, попыталась продрать глаза, которые горели так, будто я натёрла их луком, и с ужасом поняла, что не имею ни малейшего понятия, где в этой проклятой комнате дверь.

Голова гудела, лёгкие горели, и в этот момент я впервые в жизни отчётливо поняла, что значит «потерять ориентацию в пространстве». Это когда ты сидишь на полу собственной ком-

наты, в темноте, в дыму, в трёх свитерах, и единственное, что ты знаешь наверняка — это то, что ты идиотка.

Я сделала вдох. Глупый, панический, рефлекторный вдох. Горло обожгло, лёгкие сжались, и я закашлялась так, что повалилась набок.

И именно в этот момент, когда я уже почти смирилась с тем, что умру здесь, на полу, в чужом свитере, рядом с чужим сапогом, дверь нашлась сама.

Она распахнулась, ударив меня по плечу, видимо, в качестве приветствия от мироздания, и в проёме возник луч фонаря. Прямой, белый, ослепительный. За лучом виднелись смутные очертания Ермакова — плечи, руки, какая-то нелепая шапка.

Он не стал ничего ни говорить, ни спрашивать, он просто сгрёб меня, одной рукой, под колени и под спину, как сгребают мешок с картошкой, только аккуратнее, и понёс. Коридор, сени, дверь, крыльцо. Холод ударил в лицо, как ведро воды, и я задохнулась уже от него.

Глава 6

Свежий воздух оказался настолько свежим, что я немедленно начала умирать, но уже по-другому. Слезы, которые до этого копились от дыма, вырвались наружу с такой силой, будто я узнала о смерти всех своих родственников разом. Следом из носа потекло нечто, чему я даже не стала подбирать название, потому что не успевала — я кашляла.

Кашляла так, что, кажется, выкашливала не только дым, но и лёгкие, и часть желудка, и, возможно, то самое высшее образование. Каждый вдох был отдельным актом героизма, каждая попытка что-то сказать заканчивалась сипением и всхлипом. Ермаков, судя по тому, как напряглась его рука под моими коленями, ждал, когда я закончу этот сольный концерт. Я не заканчивала. Я только начинала.

Дождаться конца концерта он не стал, он посадил меня на ступеньку и ушёл обратно в дом. Я слышала, как он там гремит, как хлопают окна, как лязгает железо. Видимо, открывает заслонку, которую я не трогала. Ну, почти не трогала.

Я отчаянно и старательно кашляла, сидя на крыльце. Над головой было небо, такое, какого я в жизни не видела. Звёзды не «рассыпаны», как пишут в книгах, а навалены. Горстями. Без всякой системы. И Млечный Путь, как будто кто-то пролил молоко через всё небо и не вытер.

Он вернулся с кружкой воды и мокрым полотенцем.

И только тут я разглядела, что он в одних штанах. Спортивных, серых. И всё. Босиком на ледяных досках, по пояс голый, в минус пять, и пар идёт от плеч, как от коня после скачки.

Я быстро уставилась на звёзды теми, чем смогла. Опухшими, и слезящимися, и чешущимися щёлочками. Звёзды были красивые. Очень. Прямо очень-очень.

— Пей.

И я пила. Вода была ледяная, вкусная, и горло отпускало с каждым глотком.

Он присел на корточки передо мной, взял полотенце и стал вытирать мне лицо. Медленно и осторожно. Лоб, щёки, под глазами, там, где наверняка была сажа и потёкшая тушь. Пальцы у него были жёсткие, а движения осторожные, совсем не подходящие к этим пальцам.

Лицо его было очень близко, так близко, что даже я своими щёлочками видела каждую ресницу. Видела, как у него дёргается желвак на скуле. Видела, что глаза у него сейчас не холодные. Сейчас они были тёмные, почти чёрные.

— Я сказал не трогать, — произнёс он тихо.

— Лайфхак номер семь, — прохрипела я.

— Что?

— Ничего.

Я хотела сказать что-нибудь колкое, что-нибудь про то, что он мог бы и объяснить, зачем не трогать. Или про то, что неприлично расхаживать полуголым перед наследницей. Но голос сел, совсем, на середине первого же слова, и я просто смотрела на него, а он на меня.

Полотенце остановилось у меня на щеке.

Где-то в лесу ухнула птица. Пуля, оказывается, лежавшая у крыльца, вздохнула и перевернулась на другой бок.

Он убрал руку и выпрямился первым.

— Иди спать, — сказал он. — В мою комнату. Там натоплено.

— А ты?

— А я тут проветрю за тобой.

Он посмотрел на свитер, на свой свитер, в котором я сидела, утонув по самые уши. Ничего не сказал, только угол рта снова дёрнулся, как тогда, на волоке.

Спала я в его кровати. Ну, как «спала». Лежала и смотрела в потолок. Подушка пахла им, одеяло пахло им, свитер пах им, комната пахла им и я... пахла им. И вот я лежала, вся окружённая этим запахом со всех сторон, как крепость в осаде, и злилась. На себя, на заслонку, на звёзды. А больше всего на то, что, когда я закрывала глаза, видела не дым.

Видела плечи. И пар от них.

Вы спать с открытыми глазами не пробовали?

...

Связь у столовой действительно ловилась только на ящике.

Ящик был деревянный, вонючий, из-под какой-то рыбы, и стоял на нём, кажется, каждый, кто хотел поговорить с большой землёй. Доски были истоптаны до блеска. До очень тонкого такого блеска.

В девять утра я стояла на ящике, тянула руку с телефоном к небу, как статуя Свободы, и разговаривала с Ингой Витальевной, моей начальницей.

— Алина, я тебя не слышу! Ты где?!

— В тайге, Инга Витальевна!

— Где?!

— В тай-ге!!!

Вся база смотрела и слушала, как я балансирую на ящике и ору, как потерпевшая чайка. Коля чинил мотор и смотрел. Витёк курил и смотрел. Тётя Валя на крыльце вытирала тарелку и смотрела. Тарелка давно была сухая. Пуля сидела у ящика и смотрела снизу с таким видом, будто ждала, когда я упаду, и готовилась ловить. Или есть.

— Алина, презентация для «Сибмолторга» к пятнице!

— Инга Витальевна, у меня электричество до полуночи!

— Что?!

— Я говорю, я постараюсь!

Связь сдохла, я опустила телефон, выдохнула и тут же поняла, что он снова звонит. Странно как-то даже, кто же это умудрился дозвониться. Номер был незнакомый, московский.

— Да?

— Алина Сергеевна? — услышала я в ответ мужской голос, мягкий, вежливый, с той особенной интонацией, с которой у нас в офисе разговаривали с VIP-клиентами. — Меня зовут Олег, я представляю интересы инвестора. Удобно говорить?

— Я на ящике, — честно сказала я.

— Простите?

— Говорите.

— Видите ли, у нас есть покупатель на вашу долю в «Пихтовом обереге». Очень щедрое предложение, значительно выше рыночного. Готовы обсудить в удобное для вас время.

У меня внутри что-то медленно опустилось, примерно ниже ящика.

— Какой покупатель? Я ничего не продаю.

— Понимаю, понимаю, — голос стал ещё мягче. — Но, видите ли, ваш совладелец уже согласен. Так что вопрос, скорее, в вашей позиции. Мы бы очень не хотели, чтобы вы остались в меньшинстве...

Связь пискнула и пропала.

Я стояла на ящике с телефоном в руке. Где-то внизу Пуля зевнула так сладко, что скулы свело даже у меня. Или это от страха?

Совладелец. Мой совладелец. Уже согласен.

Я медленно повернула голову.

По двору, мимо столовой, шёл Артём Ермаков. В суконке, с бревном на плече, спокойный, как всегда. Он прошёл мимо меня, мимо ящика, мимо Пули. Даже не взглянул.

А я смотрела ему в спину и чувствовала, как ночная благодарность, звёзды, мокрое полотенце, всё это превращается во что-то очень холодное и очень злое.

Обман.

Ложь.

Фарс.

— Ах ты ж... — сказала я тихо.

И слезла с ящика.

Глава 7

Догнала я его уже у дровяника.

Хотя «догнала» это, конечно, было очень громко сказано. Он с бревном шёл в два раза быстрее, чем я без бревна бежала. Бревно лежало у него на плече так буднично, будто это не шестьдесят килограммов дерева, а так, свёрнутый коврик. Рукава свитера были закатаны, на предплечье белел старый шрам, и я зачем-то отметила это тоже, хотя отмечать не собиралась.

Он сам остановился, сбросил бревно с плеча на козлы, и оно легло ровно, как по линейке. Меня это почему-то взбесило ещё сильнее.

— Стоять! — сказала я.

Ну он и так стоял, поэтому он просто повернулся, отряхнул ладони и поднял их вверх по типу «сдаюсь». Паяц!

— Стою.

— Ты продаёшь базу за моей спиной!

Это я сказала громко, на весь двор, специально, пусть все знают, какой он! Коля над мотором замер с ключом в руке, Витёк выронил сигарету, а тётя Валя на крыльце перестала вытирать тарелку, хотя та была сухая уже минут двадцать. Ну, или может у неё много тарелок.

Где-то за домом лениво твякнула собака, и я подумала, что если сейчас никто не скажет ни слова, я начну лаять сама.

— Кому? — спросил Артём.

— Инвестору! Мне только что звонил некий Олег. Очень вежливый такой весь! И сказал, что совладелец уже согласен. Совладелец, Артём! Других совладельцев я тут не вижу!

— Плохо смотришь.

— Ах, я ещё и плохо смотрю?! — моему негодованию не было предела, и я отчаянно искала, куда бы его выпустить.

Внутри всё кипело и рвалось наружу, как молоко на плите, и я чувствовала, что ещё секунда — и меня понесёт в совершенно непечатную сторону.

А он молча развернулся и ушёл в контору. Просто взял и ушёл. Не оправдался, не начал объяснять, не стал со мной спорить. А я осталась стоять посреди двора, как дура, с открытым ртом и недосказанной гениальной речью про предательство. Коля медленно положил ключ, будто боялся спугнуть представление. Витёк, кажется, пожалел, что у него нет попкорна.

Я стояла, переминаясь с ноги на ногу, и чувствовала, как гнев потихоньку сменяется растерянностью. Потому что человек, которому ты только что кричала про предательство, не должен разворачиваться и уходить, он должен стоять и оправдываться. Это же законы жанра, я их не придумывала.

И пока я решала, бежать за ним или нет, он вернулся с картонной папкой, раскрыл её и протянул мне лист.

«Договор дарения». Шапка, печать, подписи. Даритель — Иванцов Сергей Николаевич. Одаряемый — Ермаков Артём Викторович. Доля в уставном капитале... двадцать процентов. Дата — два года назад.

Я прочитала это дважды, а в третий раз просто посмотрела на папин размашистый росчерк. Он подписывался так, будто расписывался на гипсе у друга. Бумага была чуть тёплая от его рук, чуть помятая на уголке, и почему-то именно это "помятое на уголке" заставило меня поверить, что всё это не подделка. Подделки бывают гладкие.

— Двадцать процентов, — сказала я.

— Двадцать.

— У тебя.

— У меня.

— И ты молчал.

— Ты не спрашивала. Ты сразу сообщила, что я на тебя работаю.

А вот это сейчас было обидно, в основном потому, что это было правдой. Причём правдой настолько очевидной, что даже Коля тихонько отвернулся, делая вид, что его крайне заинтересовал карбюратор.

Он забрал у меня лист, аккуратно убрал его в папку и сказал спокойно, ровно, как прогноз погоды:

— Так что я не на тебя работаю, Алина Сергеевна. Я работаю с тобой. А если по процентам, то ты, выходит, тоже немножко на меня.

Из окна столовой донёсся звук, будто поросёнок наступил на грабли. Тётя Валя закашлялась так ненатурально, что ей стоило бы вернуть деньги за актёрские курсы. Витёк издал свой коронный хрюк, уже четвёртый за сутки, и я начала подозревать, что он вообще по-другому не умеет.

Я сосчитала до пяти. Потом до десяти. Не помогло, пора было придумывать что-то другое.

— Хорошо, — сказала я, сложив руки на груди. — Сорок у меня, двадцать у тебя. А остальные сорок чьи?

— Палыча. Они с твоим отцом базу вдвоём начинали. Шестьдесят на сорок.

— И где Палыч?

— На шалинском кладбище. Двенадцать лет как.

Я замолчала. Где-то в глубине души у меня что-то ёкнуло, но я не дала этому чему-то всплыть на поверхность, потому что если начать думать про кладбище, то придётся думать и про отца, и про то, почему я узнаю про его дела от чужих людей, стоя посреди двора, в чужом свитере, с одним носком на батарее. Всё это было слишком много, и я отложила это на потом. На «после».

— А наследники?

— Были какие-то, вроде в Москве, — Артём пожал плечами. — Но пока не объявлялись. Висит доля, ни продать, ни заложить, ни кредит нормальный взять. Твой отец с этим двенадцать лет жил.

— А если объявятся?

— Значит, объявятся, — сказал он так, что стало понятно: этого он боится больше неисправного генератора. Может, даже больше, чем меня. Хотя, судя по последним суткам, меня он не боялся вообще.

Мы молчали, и двор постепенно возвращался к обычной своей размеренной жизни: Коля снова звякнул ключом, Витёк поднял сигарету, а тётя Валя скрылась в окне, явно разочарованная, что никто никого не убил. Где-то за рекой глухо ухнул лес, будто тоже вздохнул с облегчением.

— Тогда кто согласен? — спросила я уже тише.

Артём не ответил, он стоял молча, держа папку в руках, и смотрел мимо меня, на реку. Вода была тёмная, тяжёлая, с редкими блёстками на перекатах, и мне вдруг стало холодно, но не от ветра, а от того, как он смотрел. Как будто уже знал ответ. И как будто ответ ему не нравился.

— Хороший вопрос, — сказал он наконец. — Откуда у кого-то покупатель на базу, которую никто не продаёт...

Глава 8

Генератор жил в отдельном сарае за баней, и сарай этот гудел, как улей, в который засунули трактор.

Я услышала его ещё от крыльца — низкое, нутряное «ы-ы-ы-ых», от которого дребезжало стекло в рамах и подрагивала земля под ногами. Шла я туда не с экскурсией, а с ультиматумом. У меня презентация для «Сибмолторга» к пятнице, ноутбук на двадцати процентах, а электричество здесь, оказывается, по расписанию, как в санатории грязевые ванны. Включили в шесть, выключили в одиннадцать, и будь добра, спи в темноте, как пионер.

Дверь сарая была приоткрыта, и оттуда валил горячий запах солярки, железа, горячей пыли. Я шагнула внутрь, и у меня заложило уши.

— Мне нужен свет до трёх ночи, — сказала я. — Минимум три дня.

— Нет.

— Почему?

— Сто литров солярки в неделю. Лишние три часа в сутки — это ещё сорок литров. У тебя есть сорок литров солярки?

— У меня есть сорок процентов!

— Их в бак не зальёшь.

— Но...

— Но ты можешь подключить их, если найдёшь куда.

Он даже не обернулся. Стоял спиной, что-то подкручивал ключом, и рубашка на лопатках была тёмная от пота, хотя на дворе стоял уже вечер и от реки тянуло холодом. Я смотрела на его спину и чувствовала, как во мне закипает что-то знакомое — то самое, с чего начался наш первый разговор и чем заканчивался каждый следующий.

Может, у нас это уже семейная традиция? Хотя мы не семья. Хотя по процентам, выходит, немножко семья. Вот это меня как раз и бесило больше всего.

Я посмотрела на генератор. Он был зелёный, облупленный, с какими-то медными трубками, циферблатами и табличкой, на которой угадывалось «1987». Он трясся, плевался дымом и выглядел так, будто пережил три перестройки и не собирается помирать назло всем.

— Восемьдесят седьмой, говоришь, — сказала я. — Старый, ворчливый, а всё правит. Брежнев.

— Кто?

— Генератор. Его будут звать Брежнев.

И тут Брежнев чихнул, кашлянул и заглох, прямо на полуслове. В сарае стало так тихо, что я услышала, как где-то за стенкой капает вода. И как у меня стучит кровь в ушах, потому что тишина после такого гула — это не облегчение, это контузия.

— Я его не трогала! — подняла я руки.

— Ты его назвала.

Ермаков подошёл, примерился и с размаху врезал кулаком куда-то в бок, в железную коробку с проводами. Брежнев вздрогнул, всхлипнул и снова загудел, как ни в чём не бывало. Я даже рот открыла от такой наглости — не своей, его. Генератора.

— Это и есть ваше техническое обслуживание? — спросила я.

— Работает же.

— Артём, это не обслуживание, это бытовое насилие.

Угол рта у него снова дёрнулся. Третий раз. Я начинала вести счёт, хотя, вот зачем бы мне это, а? Мне что, больше заняться нечем, кроме как считать чужие микровыражения? У меня презентация, между прочим. У меня двадцать процентов заряда и сорок процентов базы.

Он вытер руку о штаны, прислонился к косяку и посмотрел на меня таким же взглядом, которым смотрят на погодное явление. Град там. Или бабье лето, которое обещали, а оно не пришло.

— Слушай. Давай честно. Ты здесь на неделю. Поиграть в хозяйку, сфоткаться с кедром, послушать, как Валька про отца рассказывает, и обратно, к своему «Сибмолторгу». А мне потом разгрести.

— Ты уверен?

— Уверен.

— Хорошо. Спорим.

— На что?

Я подумала секунду, всего одну. Потому что если думать дольше, я бы, наверное, придумала что-нибудь умное и дипломатичное, а дипломатичность в разговорах с ним у меня не приживалась.

— Я остаюсь, сколько понадобится. И буду полезна этой базе, по-настоящему. Так, что ты сам это признаешь. Вслух.

— А если нет?

— Тогда неделю мою посуду у тети Вали. Всю. Включая котлы.

Он хмыкнул, не засмеялся, а именно хмыкнул, коротко, в нос, будто где-то у него внутри выскочила и тут же захлопнулась дверца.

— А если я проиграю?

— Тогда неделю моешь ты. И при всех говоришь: «Алина Сергеевна, вы были правы».

— Полностью?

— С отчеством.

— На колени не вставать?

— Обойдёмся без крайностей.

Он чуток помолчал, видимо, оценивая риски, а потом протянул руку. Его ладонь была широкая, тёплая, шершавая, я пожала её, и по руке, до самого локтя, прошло что-то, будто я лизнула батарейку.

Он, кажется, тоже это почувствовал, потому что руку отпустил быстро. Слишком быстро для человека, которому всё равно.

Вечером он сам пришёл ко мне. Не в дверь, в комнату, как бы мне этого... хотелось бы или не хотелось? Ну неважно! Он пришёл к ящику у столовой, где я снова ловила связь и пыталась отправить Инге Витальевне хотя бы половину презентации.

Связь здесь была, как характер: появлялась редко, уходила внезапно и всегда не вовремя. Я уже отправила Инге Витальевне три сообщения с извинениями, два с обещаниями и одно с матом, которое тут же удалила, но она его, кажется, всё-таки успела увидеть.

— Дай телефон.

— Зачем?

— Номер этого Олега.

Я нашла звонок, развернула экраном к нему и протянула руку. Он встал на ящик, рядом со мной. Ящик под нами двоими опасно хрустнул, и мы оказались так близко, что я плечом чувствовала, какая у него горячая куртка. А куртки могут быть горячими? Уф...

Он нажал на вызов и поднёс телефон к уху. Я слышала гудок, щелчок и механический женский голос:

«Набранный вами номер не обслуживается».

Артём набрал ещё раз. То же самое. Он набрал третий, будто от количества попыток что-то могло измениться, и я вдруг поняла, что он, оказывается, тоже умеет злиться. Просто у него это выглядит не как пожар, а как налечь.

Он медленно опустил телефон и вернул его мне. Экран погас, и в наступившей темноте стало слышно, как на реке кто-то плеснул — рыба или течение, я так и не поняла.

— Утром звонил, — сказала я. — Утром номер работал.

— Угу.

— Значит, это не ты. И не я.

— Не я, — согласился он. — И не ты.

Он посмотрел на реку, тёмную, почти чёрную под первыми звёздами, и сказал очень тихо:

— Значит, наследник Палыча объявился. Только нам об этом сообщить почему-то забыли.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.